

Влияние исключительного законодательства на институт прав и свобод личности в Российской империи периода Первой русской революции 1905-1907 гг.

Махмутова Мария Валериановна

Студентка 2 курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» (г. Москва).

Материалы к докладу на заседании НИС НУГ 18 сентября 2014 г.

Права и свободы личности являлись и являются одной из ключевых проблем на протяжении всей истории человечества, различаясь в разные эпохи лишь степенью их осознания обществом и властью. Говоря об этом, исследователи непременно затрагивают такие понятия, как конституционализм и гражданское общество. В основе конституционализма как идеи лежат демократические идеалы свободы и, что наиболее важно, равноправия. С течением времени все более и более очевидна важность последнего аспекта. В качестве сравнения можно рассмотреть Декларацию прав человека и гражданина 1789 года и Всеобщую декларацию прав человека 1948 года: если равенство всех людей при рождении провозглашается обоими документами, то лишь Всеобщая декларация утверждает, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия»¹. Понятие же гражданского общества основывается на обособлении от государства. Этот принцип лежит в основе принятого в большинстве стран романо-германской правовой семьи деления права на частное и публичное: то, что касается положения частных лиц (*ius privatum*), и то, что относится к государству (*ius publicum*). В результате и был сформирован своеобразный перечень основных прав и свобод личности. Следует, впрочем, отметить, что, так как их классификация в различных источниках варьируется, в данной статье под правами личности подразумеваются права гражданские и права политические. Гражданскими именуются преимущественно права, относящиеся к каждому независимо от каких-либо его специфических качеств и принадлежностей (пола, расы, вероисповедания и так далее). Название также условно по причине того, что данная категория не связана непосредственно с гражданством. В отличие от прав политических, во многом определяющих взаимоотношения человека и государства. Таким образом, в первую группу следует включить право на жизнь, неприкосновенность и достоинство личности; свободу передвижения, совести и вероисповедания; право на неприкосновенность частной жизни и жилища; вторую же группу составляют свобода слова, печати, собраний, союзов, а также общее равенство всех перед судом и законом.

Говоря о российской действительности начала XX века, нельзя не отметить, что именно на этот период приходится настоящий расцвет общественной мысли в сфере прав и свобод личности. Это было обусловлено государственными, политическими, а также социальными реалиями страны. Законодательство Российской империи, хотя и сделало значительный шаг в области обеспечения этих прав, все же, однако, намного отставало от исследований ведущих правоведов (к которым относились Б.Н. Чичерин, В.М. Гессен, Я.М. Гессен, В.Д. Набоков, В.А. Маклаков, В.Ф. Дерюжинский и многие другие). Это становится очевидным при более подробном рассмотрении. Следует подчеркнуть, что, во-первых, вплоть до начала XX века отсутствовал какой-либо акт, декларирующий права и свободы человека, что нагнетало и без того напряженную обстановку в стране. Во-вторых, ввиду сословного характера российского общества (под термином «сословие» в узком смысле подразумевалась «группа подданных, отличающихся своим юридическим положением, которое передается по наследству»), не мог реализоваться принцип всеобщего равноправия (наиболее ярко это проявлялось в избирательных законах,

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. Статья 2, часть 1.

например, от 11 декабря 1905 года)². Наконец, отсутствие четкого понятия частного права порождало систематическое вмешательство государства в его сферу, ее ограничение.

Общественный кризис, во многом порожденный отсутствием действительных гарантий соблюдения прав и свобод граждан, вскоре вылился в революцию с ее баррикадными боями, погромами, забастовками и терроризмом. Однако несомненным достижением этой революции стали такие акты, как Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 года, утвердивший создание Государственной Думы, провозгласивший свободу слова, собраний, союзов, совести, а также «действительную неприкосновенность личности»³; Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 года, подвергшиеся редакции в связи с изданием Манифеста об учреждении Государственной Думы от 6 августа 1905 года, вышеупомянутого Манифеста об усовершенствовании государственного порядка, Высочайшего указа об учреждении Совета министров от 19 октября 1905 года, избирательного закона от 11 декабря 1905 года, а также Манифеста о переустройстве Государственного Совета от 20 февраля 1906 года. При этом Основные государственные законы 1906 года многие российские исследователи различных периодов признавали своеобразной конституцией Российской империи, продолжающей основы преемственности, заложенные еще М.М. Сперанским (новая редакция корректировала Основные государственные законы 1832 года)⁴. Она была октроированной – дарованной государем без участия народных представителей. Это объяснялось вполне понятным стремлением сохранить за самодержцем все существенные полномочия, предупредив разработку Государственной Думой иной конституции. Однако основные личные и политические права российских подданных, провозглашенные еще Манифестом 17 октября, были закреплены в полном объеме в главе II.

Помимо уже упомянутых актов, власти приняли ряд законоположений, касавшихся отдельных прав личности: «Об усовершенствовании временных мер в дополнение действующих постановлений о собраниях» от 12 октября 1905 года, утвердивший зависимость собраний от дозволения властей и направляемых ими наблюдателей (впрочем, закрытыми собрания могли оказаться лишь в случаях, угрожавших общественному спокойствию и предусмотренных законом); «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 года, отменивший предварительную цензуру и создавший особые комитеты по делам печати взамен цензоров (что, однако, не изменило сути дела и не способствовало действительной свободе печатного слова); «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 года, обязавший союзы и общества, на самостоятельной основе создаваемые гражданами, проходить государственную регистрацию (при этом предусматривался отказ в этой регистрации объединениям, управляемым из-за границы, нарушающим уголовный закон или угрожающим общественной нравственности и безопасности), документ также разрешал создание союзов профессиональных с целью урегулирования экономических отношений; впрочем, данные нормы не являются тождественными свободе союзов, они лишь утверждают право на их организацию. Кроме того, 2 декабря 1905 года произошла легализация стачечного движения, хотя и в весьма ограниченном объеме; за период же 1905-1907 гг. был издан целый ряд актов, расширивших права подданных на свободу вероисповедания и свободу совести. Что же касается достоинства, а также неприкосновенности личности, жилища, свободы передвижения и выбора места жительства, то специальных актов по ним издано

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В двух томах. Третье издание, исправленное и дополненное. – СПб.: «Дмитрий Буланин». С. 77.

³ Отв. ред. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М.: Юридическая литература, 1994. С.41.

⁴ Яцкова А.П. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1905 г. – первая российская конституция. Автореферат. – М., 2001. С. 4.

не было, хотя попытки такие предпринимались (к примеру, касательно неприкосновенности личности для разработки закона были организованы комиссия и подробное обсуждение его положений, однако роспуск I Думы, а затем, несмотря на участие в разработке Министерства внутренних дел, и II исключили возможность принятия документа, так и оставшегося в забвении).

Оценка действия данных актов чрезвычайно непростая, в ней необходимо учитывать различные аспекты. Однако в комиссиях по рассмотрению законов, в статьях и научных трудах ученых-правоведов неоднократно подчеркивался один аспект, который был способен исключить практически все достижения конституционализма в Российской империи начала XX века: институт исключительного и военного положения. Чрезвычайная прерогатива монарха в этой сфере, в принципе не сочетающаяся с процессом формирования правового государства и гражданского общества, провозглашалась статьей 15 Основных государственных законов Российской империи 1906 года: «Государь Император объявляет местности на военном или исключительном положении». Так как именно последнее является преимущественным объектом настоящего исследования, необходимо рассмотреть утвержденное еще Александром III «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года, объединившее все предыдущие акты чрезвычайного законодательства. Оно было принято в качестве временного, однако реальность распорядилась иначе ввиду регулярно осуществлявшихся пролонгаций (изначально каждые три года, с 1905 – ежегодно). Вот что писал по этому поводу Комитет министров в своем журнале в 1905 году: «Правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, при издании своем имевшие временный и исключительный характер, получили... характер постоянного законоположения... Эти правила существуют уже ныне непрерывно 22 года...»⁵. Ничего яснее этого и быть не может. О каком общественном спокойствии, стабилизации и укреплении внутригосударственного положения можно было говорить, когда люди привыкли жить по меркам исключительного положения? Когда ограничение прав носило систематический характер? Об этом писал и В.М. Гессен в своем труде «Исключительное положение»: неопределенность полномочий полиции как главной охранительной структуры, их чрезмерная широта приводят к слиянию исключительного и нормального, поэтому само понятие исключительности, корректное на этапе перехода к конституционализму, в данном случае утрачивает свой смысл.

Впрочем, в самом законодательстве подобное деление существовало. К нормальным полицейским полномочиям относились гласный и негласный надзор, запрещение пребывания в определенных местностях, вооруженное принуждение (оказываемое как жандармами и полицейскими, так и войсками). Однако, несмотря на обширность возможностей, власти признали их недостаточность и неэффективность, издав «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Оно состояло из 36 статей и пяти разделов: общие правила, правила о положении усиленной охраны, правила о положении чрезвычайной охраны, правила для местностей, не объявленных в исключительном положении; правила об административной высылке. Согласно закону, именно министр внутренних дел являлся высшим должностным лицом, направляющим деятельность подведомственных органов и учреждений. В его полномочия входило: издавать требования, обязательные всем местным властям; отменять постановления подотчетных ему начальств; ходатайствовать о принятии определенных временных мер; непосредственно их осуществлять. В случаях, когда ситуация требовала срочного принятия мер, местности объявлялись на исключительном положении. Оно предполагало, в свою очередь, расширение прав и полномочий администрации и увеличение ответственности населения. «Преступные

⁵ Гессен В.М. Исключительное положение. – СПб.: Право, 1908. С. 170.

посягательства против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имущества» влекут за собой объявление положения усиленной охраны; когда же «население известной местности будет приведено в тревожное настроение», вводится чрезвычайное положение⁶. Эти две степени исключительности положения характеризовались различными уровнями ограничения прав и свобод. Однако сначала необходимо уточнить правила их введения. Положение усиленной охраны имел право объявлять министр внутренних дел, а также с его утверждением и генерал-губернатор в подотчетных ему местностях. При этом отчет об этом действии предоставлялся на Высочайшее благоусмотрение через Комитет министров, а для обнародования направлялся в Правительствующий Сенат. Чрезвычайная охрана вводилась исключительно Высочайшим утверждением положения Комитета министров с представления министра внутренних дел (данный порядок был изменен Указом от 19 ноября 1905 года, согласно которому в случае нарушения связи с центром местные власти имели право самостоятельно объявить чрезвычайное положение на своей территории). При этом необходимо было четко указывать местности, подлежащие введению вышеупомянутых режимов. Отменялись они в том же порядке, что и объявлялись.

Положение усиленной охраны действовало ровно один год, после чего требовало либо продления, либо полной отмены с прекращением действия временных актов, изданных в этот период. То же касалось чрезвычайной охраны, с одной только разницей: последняя действовала 6 месяцев.

Высшей властью при усиленной охране обладали генерал-губернаторы, а также на неподведомственных им территориях – губернаторы и градоначальники. Они могли издавать распоряжения с целью предупреждения нарушений государственного порядка и общественного спокойствия; налагать взыскания на нарушителей, разрешать дела о нарушениях в административном порядке; запрещать собрания всякого рода; закрывать промышленные и торговые учреждения; запрещать определенным лицам пребывание в местностях под усиленной охраной. Кроме того, согласно статье 17, генерал-губернаторы и в иных местностях министр внутренних дел имели право передавать дела об уголовных преступлениях в ведение военного суда для разрешения по законам военного времени, если это было признано серьезной угрозой спокойствию и порядку. Власти также были вправе требовать ведения определенных дел при закрытых дверях. Таким образом, им фактически предоставлялась возможность самостоятельно определять степень опасности каких-либо событий и действий и принимать решения в соответствии с этим. Утверждение приговоров принадлежало генерал-губернаторам, а в неподчиненных им местностях – командующим в военном округе войсками.

Местные полицейские начальники, начальники жандармских управлений, их помощники могли распоряжаться по поводу предварительного задержания лиц (не более 2 недель), на определенных основаниях подозревавшихся в совершении государственного преступления либо в причастности к нему; кроме того, им предоставлялось право производить обыски в совершенно любых помещениях, накладывать арест на имущество вплоть до распоряжения вышестоящих властей. Должностные лица, в случае невыполнения своих обязанностей, несли ответственность по закону.

Что касается чрезвычайного положения, то при нем сохраняли свое действие все статьи, относящиеся к усиленной охране. Генерал-губернаторы назначались главноначальствующими, равно как и другие должностные лица в иных местностях. С Высочайшего повеления генерал-губернаторы также могли принять полномочия главнокомандующих армией в военное время.

Главначальствующие, независимо от общих правил, могли назначать в подотчетных им местностях определенных лиц, которые имели право не только заниматься гражданским управлением, но и командовать воинскими частями, если у лица

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. I, ст. 350. – СПб., 1885. С. 262.

имелось соответствующее звание; кроме того, могли учреждать военно-полицейские команды для помощи местной полиции; могли передавать в военный суд дела «об известного рода преступлениях и проступках»⁷. Если распоряжение определенным имуществом или доходом влекло за собой преступление, градоначальствующие имели право налагать на недвижимое имущество секвестр, а на движимое и на доход – арест. Помимо перечисленного, закон определял еще ряд полномочий высшей администрации: возможность подвергать аресту, заключению в тюрьме или крепости на три месяца, минуя судебный порядок; отстранять от должности всех чиновников и выборных должностных лиц в сословных, городских, земских учреждениях; распоряжаться на собраниях этих учреждений (устанавливать круг вопросов, разрешать или запрещать проведение собрания). Градоначальствующие также могли приостанавливать периодические издания на период действия положения чрезвычайной охраны и закрывать учебные заведения (максимум на 1 месяц).

«Положение...» признавало за высшей властью возможность введения определенных правил в губерниях или областях, смежных по отношению к местностям с введенным исключительным положением. Начальникам полиции и жандармских отделений предоставлялись следующие права: подвергать лица, подозреваемые в совершении преступления против государственного строя или причастности к нему, в участии в деятельности незаконных обществ, аресту «на срок не более 7 дней и производить у таких лиц обыски и выемки»⁸. Расширились полномочия губернаторов и градоначальников. Министр внутренних дел при утверждении министром юстиции получил право подвергать гражданских лиц военному суду за государственные преступления, сопротивление властям, нападение на военных, полицейских чинов, должностных лиц, связанное с исполнением ими своих обязанностей, если все эти действия сопровождалось убийством или покушением на него, нанесением тяжелых увечий и вреда здоровью вообще, поджогами.

Особо следует отметить правила, которыми регулировалась административная высылка. Частное лицо могло быть выслано в определенную местность административным порядком с необходимостью пребывания там в течение установленного срока в строгом соответствии с правилами. Они заключались в следующем: местные власти обязаны были представить соответствующее решение на утверждение министра внутренних дел с четким обоснованием необходимости данной меры. Для рассмотрения вопроса создавалось Особое совещание с товарищем министра в качестве председателя и четырьмя членами (двое – от министерства внутренних дел, двое – от министерства юстиции). В ходе работы совещания оно могло требовать какие-либо пояснения, дополнения или даже присутствие лица, подлежащего высылке. При этом само лицо подвергалось предварительному аресту, который продлевался по инициативе министра внутренних дел вплоть до разрешения вопроса. Наконец, заключительная 36 статья закона гласит, что для безвыездного пребывания в местности вследствие высылки устанавливается срок в размере от 1 года до 5 лет. При этом существовала возможность сокращать и продлевать высылку (на такой же период времени).

Следует отметить, что именно в Российской империи, в отличие от европейских государств, административная высылка была наиболее популярной мерой борьбы с так называемой крамолой. Во многом это связано с размерами страны (например, Высочайшее повеление от 24 мая 1878 года предписывало отдавать в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири всех лиц, причастных к делам об антиправительственной пропаганде). При этом рамки применения данной меры всегда были весьма туманны, особенно это касалось срока: вплоть до 1881 года действовал принцип «сослан – забыт»⁹. Лишь с изданием «Положения о мерах к охранению

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. I. – СПб., 1885. С. 264.

⁸ Там же. С. 265.

⁹ Гессен В.М. Исключительное положение. – СПб.: Право, 1908. С. 165.

государственного порядка и общественного спокойствия» регламентация административной высылки получила более реальные очертания.

Однако в отношении иных аспектов закон способствовал лишь большему усложнению и неопределенности. Содержание исключительного положения, его суть выводится из целей – охранение государственного и общественного порядка, существующего строя, устранение самой «возможности возникновения и повторения» опасных явлений. Оно создано для предупреждения, а не просто для борьбы, где вполне достаточно применение стандартных полномочий. Потому и носит исключительный характер. Это особенно важно: положение должно вводиться только в случае крайней необходимости, угрозы государственного значения, при которой возможно пожертвовать на время некоторыми гарантиями прав и свобод, ограничить их.

На практике так не происходило.

Одиозный характер настоящего закона в течение всего периода его действия, а также после, в качестве уже не столько юридического, сколько исторического объекта, побуждал публицистов, ученых и исследователей писать и говорить о нем, о той роли, которую сыграло «Положение...» в процессе развития прав и свобод подданных Российской империи. В свое время американский исследователь Ричард Пайпс писал: «Этот документ, оказавшийся более долговечным... кодифицировал и систематизировал проведенные в предыдущие годы репрессивные меры и сделался настоящей конституцией»¹⁰. Данная точка зрения вполне схожа со взглядами В.И. Ленина, писавшего о законе 14 августа как о «фактической российской конституции»¹¹. Почему же оба ученых использовали одинаковую трактовку в определении сути «Положения...»? Ключевым аргументом являлся тот факт, что исключительная охрана составляла основную опору самодержавия в борьбе против всех посягателей на незыблемость его власти. Впрочем, тот же П.Н. Милюков на заседании Государственной Думы говорил о «коренном противоречии» между государственным строем Российской империи и мерами, предпринимаемыми правительством для борьбы с так называемой крамолой¹². Столь разные позиции объясняются идеологическим разрывом, однако в каждой из них есть доля правды. Что же до настоящего исследования, то, на наш взгляд, изучение не только закона, но и конкретно практики его применения способно отобразить реальную картину влияния исключительного положения на права и свободы граждан периода Первой русской революции.

Для начала следует обратиться к статистике. Согласно В.М. Гессену, изначально, 4 сентября 1881 года, на положении усиленной охраны были объявлены 10 губерний, среди которых Петербургская и Московская, Одесское, Таганрогское, Керчь-Еникальское градоначальства, 5 уездов и 5 городов. Вплоть до начала первой революции на этом положении оставались 6 губерний (включая названные), 2 градоначальства и 2 города (Ростов-на-Дону и Николаев). Их жители более двух десятков лет не знали нормального, стабильного положения. С 1901 года, ввиду назревания общественного и государственного кризиса, участившихся беспорядков и выступлений усиленная охрана была введена почти во всех губерниях. С началом революции усиленное положение заменялось чрезвычайным (в 27 губерниях) и военным (в 40), причем преимущественно в тех местностях, что были под усиленной охраной со времени издания «Положения...». Пик же введения исключительного положения в самых различных местностях пришелся на рубеж 1905 и 1906 годов (публиковались целые списки объявленных на положении усиленной или чрезвычайной охране территорий). В хронике печатных изданий, среди которых особняком стояла газета «Право», писали о «предоставлении орловскому губернатору права издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к

¹⁰ Пайпс Р. Россия при старом режиме // «Независимая газета». – М, 1993. URL: <http://lib.ru/HISTORY/PAJPS/oldrussia.txt>. (Дата обращения: 27.04.2014).

¹¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т.21. С.114.

¹² Там же.

предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности» (то есть администрация, исполнительная власть получает законодательные полномочия – а все в условиях исключительного положения), о «воспрещении читать прогрессивные газеты», о «воспрещении принимать участие в прогрессивных партиях» (а что скрывается под понятием «прогрессивный» и куда исчезла свобода слова и собраний?), о «закрытии общества учителей и учительниц Казанской губернии», о высылке священников, «в церкви которых были найдены бомбы», о производившихся обысках и арестах (однако были ли соблюдены в данных случаях все временные и иные рамки, утвержденные законодательством?)¹³. Впрочем, выше приведены достаточно непоследовательные примеры практики применения исключительного законодательства к конкретным случаям. Обоснованнее же исследование хронологическое, последовательное, начиная с 1905 года и заканчивая июнем 1907 (придерживаясь стандартных рамок революции), что и будет произведено.

Изучая хронику начала 1905 года, читатель непременно обратит внимание на то обстоятельство, что в основной своей массе она касалась событий скорее не правового, но фактического свойства (погромов, убийств, забастовок), более того, в связи с началом революции значительное, как уже упоминалось выше, число губерний были объявлены именно на военном положении, которое не является предметом настоящего исследования. Однако же выделить практику, касающуюся собственно исключительного положения, несмотря ни на что, не представляется трудным. В большинстве своем она затрагивала ограничения свободы слова и печати (актуальная проблема для самой газеты «Право»). К примеру, в номере 26 (июль 1905 года) мы находим первые наиболее явные тому подтверждения: «В Елисаветграде, 24 июня, после полудня, по распоряжению херсонского губернатора Левашова, закрыта типография «Голос Юга»... на все время нахождения города в положении усиленной охраны» (впрочем, как было объявлено позднее, редакторов это не остановило, и они приняли решение издаваться в уменьшенном формате с помощью вольных типографий), «В Минске, 29 июня утром, арестован редактор-издатель «Северо-Западного Края» Мысковской. Редакция и типография газеты запечатаны»¹⁴, «Всюду [в Уфе] расклеено обязательное постановление губернатора, предупреждающее жителей, что за распространение устно или письменно резолюций неразрешенных собраний и съездов виновные будут подвергаться аресту до трех месяцев»¹⁵. В дальнейшем жесткость администрации по отношению к печати и различного рода проявлениям свободомыслия в целом только усилилась: был приостановлен выпуск газеты «Лодзинский листок» (поводом послужила статья «Ошибка прогрессивной партии»), минским губернатором была приостановлена газета «Северо-Западный Край», в Киеве генерал-губернатор инициировал арест отдельных выпусков «Киевских Откликов» и «Киевской газеты», в Симферополе конфисковали газету «Крым» (особо участились подобные открытые акции властей к декабрю 1905 года – периоду вооруженного восстания в Москве и распространения его влияния по стране)¹⁶; периодически из различных выпусков изымались определенные публикации («Номер еженедельной прогрессивной газеты «Glos» «по независимой от редакции причине» вышел без передовой статьи и без обзора текущих событий»¹⁷, по причине изъятия некоторых статей с опозданием выходил «Вестник Новгородского Земства», также ввиду «независимых от редакции обстоятельств»¹⁸), запрещались книги («...в Иркутске отбираются такие книги, как А.Н. Бах «Экономические очерки» и некоторые издания «Молота». Все эти книги имеют на себе цензурную пометку [о допущении к

¹³ Хроника // Право. № 1-52. – Петербург, 1905. С. 48-54.; № 1-52. – Петербург, 1906. С. 47-64.

¹⁴ Хроника // Право. № 26. – Петербург, 1905. С. 2178.

¹⁵ Там же. С. 2182.

¹⁶ Хроника // Право. № 50. – Петербург, 1905. С. 4061.

¹⁷ Хроника // Право. № 28. – Петербург, 1905. С. 2337.

¹⁸ Хроника // Право. № 29. – Петербург, 1905. С. 2401.

распространению]», «По распоряжению администрации задержана книга: В. Бернштам: «За право!»¹⁹. Однако иногда попавшие под административные санкции лица или организации пытались отстоять нарушенные права. К примеру, такой случай: «Распоряжением приамурского генерал-губернатора Хрещатицкого газета «Никольск-Уссурийский Листок» приостановлена на три месяца. Редактором-издателем газеты Мисюра предъявляется иск к генерал-губернатору, в виду приостановки подцензурного издания»²⁰. Истец был явно возмущен отсутствием законности в действиях высшего должностного лица местной власти, однако, в виду действия закона об исключительном положении, разрешение спора в пользу редактора весьма маловероятно. Чаше же общественные организации в различных местностях направляли свои делегации в столицу с целью просить об отмене исключительного положения в целом (что, разумеется, признавалось властями несвоевременным).

В 1906 году положение печати (а, следовательно, свободы слова) оказалось еще более обостренным. Закрытие и приостановка изданий приобрели массовый характер: «... по распоряжению генерал-губернатора газета «Баку» приостановлена за вредное направление» (без конкретного ограничения по сроку), «В Белостоке губернатор запретил издавать газету «Еврейский Голос», в Пятигорске были закрыты три типографии, «опечатаны редакции газет «Пятигорский Листок», «Народная Правда» и «Народ», в Казани конфисковали номер газеты «Волжский Вестник», изданный на новый год (впоследствии такие изъятые номера возникали все чаще); была приостановлена «Сибирская Торговая Газета» (Тюмень), также волей губернатора; на все время пребывания Минска на положении чрезвычайной охраны был приостановлен выход газеты «Голос Белорусский»²¹; варшавский генерал-губернатор распорядился относительно приостановки издания «Западного голоса», «Дзенник Любельский» был закрыт с первого же номера, приостановлены же были газеты «Курьер Любельский» и «Гонец Любельский»; в Петербурге полиция исследовала типографию сатирического журнала «Пламя», проверив даже печатную бумагу, а во Владимире с опозданием объявленный конфискованным номер газеты «Клязьма» отбирался полицейскими прямо у разносчиков²². В Екатеринбурге вскоре, в связи с положением чрезвычайной охраны, остановила деятельность газета «Уральский Край», номера «Русского Дела» изымались прямо с вокзальных киосков и полок книжных магазинов, а известное издание «Наша жизнь» в Симферополе было конфисковано со всех прилавков; не менее печальная судьба постигла номер газеты «Крым», опубликовавший призыв к бойкотированию Государственной думы²³; именно по инициативе градоначальника был привлечен к ответственности «за диффамацию» (распространение порочащих сведений) бывший редактор газеты «Русь» А.А. Суворин. Стоит ли говорить, что подобная рьяность и несдержанность властей в стремлении подавить всяческое инакомыслие даже там, где его не было, вызывали в обществе все больший протест и лишь нагнетали обстановку в стране? Однако никаких выводов сделано не было, и в новом 1907 году, вплоть до формального окончания революции и после нее тактика запретов осталась прежней («В Петербурге на основании положения о чрезвычайной охране приостановлено издание еженедельника «Еврейский народ», «В Тифлисе приостановлена армянская газета «Еркир», редакция опечатана, редактор арестован», «Петербуржским комитетом наложены запреты на... произведения печати: Фр. Ницше «Анархист»... Издание «Народный Труд»... книгоиздательства «Рабочий Депутат»...», а в Москве был закрыт книжный магазин Патины²⁴; «В Харькове газета «Народное Слово» за помещение списка

¹⁹ Хроника // Право. № 40. – Петербург, 1905. С. 3373.

²⁰ Хроника // Право. № 33. – Петербург, 1905. С. 2735.

²¹ Хроника // Право. № 1-26. – Петербург, 1906. С. 49-50.

²² Там же. С. 135-136.

²³ Там же. С. 541.

²⁴ Хроника // Право. № 1. – Петербург, 1907. С. 62.

прогрессивных выборщиков закрыта», в Петербурге было приостановлено издание «Голос Среднеучебных Заведений»²⁵ и так далее).

Вместе с ухудшением положения печати усилилось давление властей на различного рода собрания, союзы (в том числе и профессиональные): «...местной администрацией [города Москвы] закрыта организация инженеров»²⁶, в Смоленске на шесть месяцев, начиная с июля 1905 года, прекратило деятельность существовавшее с 1901 года «общество взаимного вспоможения книгопечатников»²⁷, также по решению губернатора; был закрыт съезд учителей и учительниц «начальных школ и приходских училищ» в Архангельской губернии²⁸, «Председатель Аткарской управы отказался признать законность многочленного совещания земских учителей...», «Харьковский губернатор запретил крестьянам Нововодолажской волости устраивать волостные и сельские сходы впредь до особого разрешения [самого губернатора]»²⁹, в Дмитровске, «в виду постановлений общего характера, сделанных собранием общества взаимопомощи земских служащих 14 мая, губернатор затребовал от правления общества протокол собрания»³⁰, в Саратове летом 1905 года были запрещены собрания общества взаимопомощи народных учителей («до более спокойного времени»), в то же время не состоялся и планировавшийся съезд представителей польского землевладения в Варшаве (как и последующий съезд врачей)³¹. Местные власти вполне пользовались предоставленными им исключительными полномочиями, пресекая возможности не только для публичного выражения людьми своей гражданской позиции, но и для разрешения вполне насущных вопросов, являющихся предметом деятельности соответствующих объединений. С наступлением 1906 года политика не изменилась. Администрацией был запрещен запланированный на январь «сельскохозяйственный съезд юго-востока России»³², закрыто помещение союза «кораблестроительных и портовых рабочих»³³, вне закона поставлены все будущие собрания «Союза 17 октября» в Рыбинске, в Хвалынске же запретили все профессиональные сходы; казанский генерал-губернатор, мотивируя опасением за членов партии, запретил съезд кадетов, а в Полтаве и Корчеве не состоялись собрания участников «Народной свободы»; во Владивостоке же местными властями было отменено планировавшееся собрание благотворителей-коммерсантов по поводу образования в крае фельдшерских курсов (казалось бы, вполне себе мирный повод).

Еще одним частым явлением в период революции стали санкционированные администрацией аресты и обыски. К примеру, относительно того же 1905 года мы читаем: «В Москве арестован председатель организационного бюро всероссийского почтово-телеграфного союза инженер Двужильный и весь состав бюро...», «2 декабря [1905 года], в Москве ночью арестован весь новый состав бюро почтово-телеграфного союза и почтово-делегатского съезда. Арестован также врач...», в Ташкенте «в ночь на 23 ноября по приказу генерал-губернатора... арестованы 10 человек, в том числе состав единственной передовой газеты «Русский Туркестан»... члены комитета по устройству митингов... Делегатам корпорации адвокатов генерал-губернатор объявил, что в случае непризнания прокурорским надзором вины арестованных, он вышлет их из края административным порядком»³⁴ (в данном случае можно наблюдать грубейшее нарушение не только принципа неприкосновенности личности, но и жилища; более того, административный орган своими противозаконными действиями фактически поставил

²⁵ Хроника // Право. № 7. – Петербург, 1907. С. 558.

²⁶ Хроника // Право. № 26. – Петербург, 1905. С. 2179.

²⁷ Хроника // Право. № 33. – Петербург, 1905. С. 2735.

²⁸ Хроника // Право. № 27. – Петербург, 1905. С. 2263.

²⁹ Там же. С. 2262.

³⁰ Хроника // Право. № 28. – Петербург, 1905. С. 2339.

³¹ Хроника // Право. № 29. – Петербург, 1905. С. 2400.

³² Хроника // Право. № 1-26. – Петербург, 1906. С. 48.

³³ Там же. С. 49.

³⁴ Хроника // Право. № 48-49. – Петербург, 1905. С. 3945

надзорную и судебную власть в тупик, лишив ее возможности влиять на ситуацию); «Финляндский уроженец Ляурикойн, арестованный в помещении московского почтамта за пропаганду забастовки, постановлением градоначальника подвергнут аресту при полиции на два месяца»³⁵ (двухнедельное ограничение ареста преодолено правом издания в условиях исключительного положения обязательных актов); «В Петербурге... арестовано 50 рабочих, собравшихся на досуге мирно потолковать на злободневные темы»³⁶. Особенно усилились аресты (как и закрытие печатных изданий) в декабре 1905 года: накалившаяся политическая и общественная обстановка, переход к открытой конфронтации между властями и населением привели к переходу первых к открытым и грубым мерам по пресечению акций оппозиции. Весьма показательны данные по городам все той же газеты право из №50: В Санкт-Петербурге были арестованы члены всероссийского железнодорожного союза, научный работник военно-медицинской академии, делегат служащих «николаевской железной дороги», члены различных рабочих комитетов; в Харькове по распоряжению генерал-губернатора был арестован редактор газеты «Мир», в Киеве – около пятидесяти членов железнодорожного союза, в Саратове – издатель газеты «Приволжский Край», присяжный поверенный, несколько докторов; в Ковно было подвергнуто аресту целое бюро железнодорожного союза, в Ревеле – председатель местного стачечного комитета, начальник станции, инженеры, депутаты крестьянского союза и многие другие³⁷. Что касается обысков, то, помимо тех, что производились во время арестов, проверок, очень многие имели место при аресте типографий и закрытии газет («В Москве конституционно-демократическая газета «Жизнь» арестована, типография запечатана, а в редакции у сотрудников и даже у всех наборщиков идут повальные обыски. Ничего опасного или компрометирующего не найдено», «арестован номер... журнала «Рабочая Неделя». Типография... была оцеплена полицией. Все наборщики и помещение типографии были обысканы»³⁸, «В Петербурге... был произведен полицией обыск в армянской церкви»³⁹, «В Вильно производятся повальные обыски с целью конфисковать оружие»⁴⁰ (очевидно, без особого разбора и основательных подозрений), «В Ельце арестован заведующий отделением «Орловского Вестника»... у которого найдено оружие, нелегальная литература и переписка»⁴¹ и т.д.). С 1906 года начался новый виток обысков и арестов (в условиях же переполненности тюрем и регулярного (ежедневного) характера производимых полицией мероприятий о соблюдении основных прав человека и его достойном содержании говорить не приходилось): «В Петербург... вечером в один из домов на реке Пряжке явилась полиция в усиленном составе и арестовала собрание из интеллигентов и рабочих»⁴², «В Петербурге... вновь произведен ряд обысков, сопровождавшихся арестами», в Риге «произведено много политических арестов... аресты и обыски продолжаются», в Харькове «политические аресты продолжаются. Задержано человек 70, в числе их учителя, адвокаты и земские врачи», «Ректор харьковского университета... арестован», «В Кременчуге произведен ряд политических арестов, в том числе секретаря сельскохозяйственного общества», «В Екатеринбурге ночью... арестован председатель съезда делегатов рабочих заводов и промыслов Урала», в Ярославле, ввиду уже упомянутой нехватки мест в тюрьмах арестованные переводились в другие города, в Киеве осуществлялись аресты писателей и работников журналов («Киевская Старина»), в Новочеркасске арест железнодорожных служащих привел к массовой забастовке и прекращению движения поездов, рабочие сестрорецкого оружейного завода также

³⁵ Там же. С. 3947.

³⁶ Хроника // Право. № 51. – Петербург, 1905. С. 4153.

³⁷ Хроника // Право. № 50. – Петербург, 1905. С. 4064-4065.

³⁸ Хроника // Право. № 51. – Петербург, 1905. С. 4152.

³⁹ Там же. С. 4153.

⁴⁰ Хроника // Право. № 52. – Петербург, 1905. С. 4227.

⁴¹ Там же. С. 4229.

⁴² Хроника // Право. № 1-26. – Петербург, 1906. С. 51.

подверглись повальным обыскам и арестам, что привело к инциденту с использованием оружия против полиции, в Тифлисе аресты носили массовый характер в основном в среде интеллигенции⁴³; 9 января были заключены в «пересыльную тюрьму»: «редактор-издатель журнала «Пулемет», редактор журнала «Зритель» и несколько инженеров-технологов; в царскосельской тюрьме оказались заключенными ряд учителей и врачей, в Новороссийске также производились усиленные аресты («арестовано 8 почтово-телеграфных чиновников», «заключен в тюрьму редактор «Черноморского Побережья»»), в начале 1906 года был осуществлен ряд обысков в редакции и типографии грузинской газеты «Патара», «обе опечатаны»; в том же Екатеринбурге (как в самом городе, так и на заводах) аресты и обыски среди интеллигенции и рабочих (основных объектов пристального внимания полиции и администрации) приняли стабильный характер; наиболее активными в плане забастовок по праву оставались железнодорожные рабочие, по этой причине, например, в Симферополе их арестовывали «десятками»⁴⁴. Впоследствии губернаторы и иные градоначальники даже стали издавать положения, касающиеся применения заключения в отношении лиц, совершивших соответствующее «противозаконное» действие: «Опубликовано обязательное постановление временного радомского генерал-губернатора, согласно которому караются заключением в тюрьме или крепости или штрафом в 3000 рублей устроители школ для тайного обучения детей...»⁴⁵. В связи с этим необходимо сделать пояснение: 1906 год, как и последующий 1907, был ознаменован целым рядом последовавших друг за другом закрытий учебных заведений и близких к ним учреждений (новый виток поиска источника крамолы?); к примеру: «в виду продолжительных волнений» была закрыта шавельская женская гимназия, высылка преподавателей кременчугской земской акушерской фельдшерской школы привела к ее закрытию, не избежала его и городская общественная библиотека в Каневе, все работники которой подверглись аресту⁴⁶, в ярославской же духовной семинарии приказом администрации были закрыты три старших класса (без пояснений)⁴⁷.

1907 год оказался отмечен не меньшим количеством административных арестов и обысков. Более того, власти, желая наконец подавить революционную волну, многократно увеличили предпринимаемые усилия: «Близ Петербурга... арестован неизвестный человек на вид интеллигентный, который отказался назвать себя», «В Харькове арестовано собрание из 30 человек», «В Вильно по мере приближения выборов усиливаются репрессии. Ежедневно производятся массовые обыски и аресты...», «В Ковно арестован гласный думы...», «... близ Риги арестованы издатель и сотрудники газеты «Кодума, в помещении которой произведен обыск», «В Севастополе... в центре города... арестовано четырнадцать человек, преимущественно молодежи»⁴⁸, и так можно продолжать очень долго, так как аресты действительно носили повсеместный и регулярный характер, будучи санкционированы администрацией. Причем для их проведения абсолютно не требовалось каких-либо поводов и доказательств, процесс больше напоминал плановую общественную проверку с нарушением прав на неприкосновенность частной жизни, личности и жилища.

Помимо всего вышеперечисленного, с 1906 года начинается целая эпопея административных высылки (конечно, не «сослан – забыт», однако с глаз подальше убран). Это, разумеется, ни к чему хорошему не привело: концентрация «пришлых» в отдельных местностях достигала поразительных размеров, что усложняло охрану порядка и контроль для местной полиции. Впрочем, факты таковы: освобожденный издатель «Сына Отечества» С.П. Юрицын был выслан из Петербурга (без права когда-либо проживать в столицах), сослан в Архангельскую губернию был также писатель Н.М.

⁴³ Хроника // Право. № 1-26. – Петербург, 1906. С. 52-53.

⁴⁴ Там же. С. 139-140.

⁴⁵ Там же. С. 538.

⁴⁶ Там же. С. 540.

⁴⁷ Там же. С. 1305.

⁴⁸ Хроника // Право. № 1. – Петербург, 1907. С. 64.

Осипович (примечателен такой факт: когда его жена решила узнать причину ссылки мужа, ей объяснили, что «в жандармском управлении, собственно, не имеется никаких данных, компрометирующих Н.М. Осиповича, но местные власти сложили себе о нем «внутреннее мнение» не в его пользу, а поэтому он подлежит высылке»; это ли лицо правосудия?). В ту же Архангельскую губернию был выслан одесский врач Л.В. Богуцкий – он заведовал больницей для бедных, а также группа крестьян, обвиненных в агитации среди населения; подобная ситуация была и в Нижнем Новгороде (административной высылке подверглись «два врача, один присяжный поверенный и два газетных сотрудника»); несколько студентов Петербургского университета были высланы в Тобольскую губернию на максимальный срок – пять лет, причем за все время задержания им не предоставили ни единого шанса оправдаться, ибо не допрашивали⁴⁹; из Ростова-на-Дону подвергся высылке доктор Ладыженский, как всегда, без предупреждения и объяснения, из Сестрорецка же рабочих отправляли партиями. Причем очень острым вопросом было содержание подвергавшихся данной мере наказания (забирали порой, как есть): «... многие нуждаются в платье и деньгах»⁵⁰.

В 1907 году изменилось лишь то, что высылка стало еще больше, данная мера определенно набирала популярность среди местных властей: «Из Ялты высланы... преподаватель женской гимназии... гласный думы... землемер... и много других», «Ежедневно [в Алуште] происходят многочисленные высылки. Высланы, между прочим, акушерка земской больницы и учитель церковно-приходской школы...»⁵¹, «В Полтаве по отношению к выборщикам прогрессивных партий начались репрессии. Так, арестованы и высылаются из пределов губернии Куперман, Каганер, Маркович...», «В Екатеринославе администрация продолжает расправу. Выборщик Морозов выслан на родину; уполномоченный Строменко... отдан под надзор, ему воспрещено выехать из села»⁵² и др.

Особняком среди прочих стояла проблема действия военных судов: «В Ростове-на-Дону 45 лиц, участвовавших в еврейской самообороне и говоривших на рабочих митингах, преданы градоначальником... военному суду»⁵³, «... с утверждения временного генерал-губернатора Владивостока, преданы военному суду – бывший поручик Перлашкевич и редактор газеты «Владивостокский Листок», по обвинению в умышленном искажении истины...», «Железнодорожных служащих станции Александровск предают военному суду... У обвиняемых нет защитников»⁵⁴, «В Екатеринославе, по приказу генерал-губернатора, домовладельцы и квартиранты, в помещении коих обнаружены бомбы и взрывчатые вещества, предаются военному суду»⁵⁵.

Современники подчеркивали, что в России смертная казнь «назначается не по общему, для всех равному закону, а по специальному усмотрению власти»⁵⁶. И хотя это явно следует из закона, подобные формулировки каждый раз ставили общественность перед фактом отсутствия в стране правосудия как такового. Ибо возможность, несмотря на все либеральные преобразования, в момент изъять то или иное дело из нормального судопроизводства сводила их на нет.

В.А. Маклаков – российский юрист и член Государственной Думы – отмечал, что при изучении «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» на предмет возможности рассмотрения некоторых дел в губерниях, находившихся на исключительном положении, военным судом определенные вопросы вызывала формулировка «по законам военного времени» (ст. 17). Что она

⁴⁹ Хроника // Право. № 1-26. – Петербург, 1906. С. 542-543.

⁵⁰ Там же. С. 1309-1310.

⁵¹ Хроника // Право. № 1. – Петербург, 1907. С. 63.

⁵² Хроника // Право. № 9. – Петербург, 1907. С. 698-699.

⁵³ Там же. С. 1703.

⁵⁴ Хроника // Право. № 1-26. – Петербург, 1906. С. 1498.

⁵⁵ Хроника // Право. № 1. – Петербург, 1907. С. 60.

⁵⁶ Маклаков В.А. Смертная казнь и законность // Право. № 1-52. Петербург, 1905. С. 2775.

означала? Закон указывает на раздел IV устава военно-судебного, устанавливавшего сокращенные сроки и ограниченную возможность обжалования для военных, подвергнувшихся соответствующему суду. Однако, несмотря на то что «Положение...» предполагало действие данных процессуальных правил в отношении гражданских лиц, совершивших определенные преступления, невозможным представлялось применение к ним специальных военных наказаний, являвшихся материальными нормами. В этом плане военное положение было намного шире исключительного: оно подразумевало соответствующие наказания. Впрочем, власти не долго довольствовались таким положением вещей: ввиду «очевидности исключительной важности» сохранения общественного спокойствия в 1887 главный военный суд дал разъяснение, что в рамках действия исключительного законодательства также должны использоваться наказания военного времени⁵⁷. Таким образом, практика применения «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» оказалась куда строже в процессе реализации.

Другой российский юрист Н.Д. Тахчогло в 1905 году писал, основываясь на «деле Персина», о Высочайшем повелении от 11 августа 1887 года, не подвергнувшемся обнародованию, вследствие чего еще более запутавшем бюрократическую практику законотворчества. Дело в том, что, утверждая лишение военных судей права самовольно смягчать приговор ввиду наличия соответствующих обстоятельств, оно относилось прежде всего к режиму усиленной охраны. В то же время, основываясь на примечании к статье 1203 Военного судебного устава (о невозможности смягчения судьями приговора по делу о государственной измене), повеление законодательно проистекало из него. После отмены этого примечания судьи получили фактическое право смягчать наказания военнослужащим. Проблема заключалась в том, что «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» продолжало действовать, и в случае, к примеру, «покушения... на жизнь городского» смертный приговор был неизбежен⁵⁸. Примечание к статье 1203 забылось, и Высочайшее повеление не было отменено. В этом и заключалась трагедия запутанности и неясности законодательства для населения и самих вершителей «правосудия».

В целом же, вся система действия военных судов согласно «Положению...» представлялась незаконной, так как не было никакой возможности «убедиться в справедливости» приговора, объявленного административным порядком за закрытыми дверями⁵⁹. В этом их правопреемником станут военно-полевые суды.

Таким образом, практика реализации «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» неизбежно находилась в конфронтации с законодательной базой и конституционными основами, впоследствии закрепленными в Основных Государственных законах 23 апреля 1906 года, противореча им на всех этапах действия исключительного положения.

⁵⁷ Маклаков В.А. Смертная казнь и законность // Право. № 1-52. Петербург, 1905. С. 2778-2779.

⁵⁸ Тахчогло Н. По поводу смертных приговоров военных судов // Право. № 52. Петербург, 1905. С. 4178-4179.

⁵⁹ Маклаков В.А. Смертная казнь и законность // Право. № 1-52. Петербург, 1905. С. 2782.